

В.И. БАТЮК*

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ ДИАЛОГ ПО РЕГИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ В XXI ВЕКЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Обращаясь к истории

В период «холодной войны» взаимоотношения между Советским Союзом и Соединёнными Штатами по региональным проблемам создавали большие сложности для всего комплекса советско-американских отношений. В условиях глобального идеологического противостояния двух «сверхдержав» большинство региональных конфликтов после 1945 г. превращались в арену непримиримого советско-американского противоборства, исключавшего какой-либо компромисс. «В результате многие конфликты приняли затяжной, незатухающий характер, – отметил в этой связи директор Института США и Канады РАН С.М. Рогов. – Опыт политического урегулирования таких конфликтов при участии США и СССР оказался небольшим и не слишком эффективным, в ряде случаев он приводил к расколу государств, ставших жертвами конфликта. Вместе с тем вовлечённость великих держав нередко превращалась в прямое военное вмешательство... Биполярная структура международных отношений создавала предпосылки концепции “игры с нулевой суммой”, когда “успех” в любой точке земного шара одной стороны означал “поражение” другой стороны и наоборот»¹.

Некоторые из таких региональных конфликтов (Берлинский кризис 1948–1949 гг., война в Корее, Карибский кризис 1962 г.) могли привести к прямому военному столкновению вооружённых сил США и СССР и, как следствие, к третьей мировой войне. И в дальнейшем именно региональные проблемы советско-американских отношений «торпедировали» разрядку 1970-х годов; они же создавали серьёзные препятствия для сближения двух стран во второй половине 1980-х годов.

И если в таких сферах советско-американских отношений, как контроль над вооружениями и торгово-экономические связи, Москве и Вашингтону удалось наладить прагматичное, деидеологизированное взаимодействие на протяжении 1970–1980-х годов, то в силу ряда причин этого не получилось в региональной сфере: марксистско-ленинская идеология и идеология либерального интервенционизма, которыми руководствовались соответственно советская и американская правящая элиты, подталкивала их к вмешательству в много-

* БАТЮК Владимир Игоревич – доктор исторических наук, руководитель Центра региональных аспектов военной политики США ИСКРАН. Copyright © 2009.

¹ Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М., 1989, с. 245–246.

численные конфликты в «третьем мире» во имя так называемого «пролетарского интернационализма» и «идеалов свободного мира».

Хотя это вмешательство начиналось, как правило, на достаточно низком уровне (финансовая поддержка просоветских и проамериканских режимов, партий и движений, поставки оружия, посылка советников), рано или поздно советскому и американскому руководству приходилось сталкиваться с необходимостью прямой вооружённой интервенции для спасения своих сторонников от военного разгрома и уничтожения. При этом попытки здравомыслящих представителей советских и американских кругов остановить сползание к конфронтации, как правило, не находили поддержки ни в Москве, ни в Вашингтоне: идеологические соображения оказывались сильнее, чем доводы разума².

Кроме того, «сверхдержавы» были лишены возможности прибегнуть к тем приёмам классической дипломатии, с помощью которых великие державы урегулировали свои региональные проблемы в эпоху «европейского концерта» (1815–1914 гг.), включая создание сфер влияния и буферных зон. Как справедливо отметил видный американский эксперт-международник А. Джордж, «сама идея о соглашениях между США и Советским Союзом, направленных на ограничение их соперничества и предотвращение опасных кризисов, вызывает подозрения в других странах относительно формирования сверхдержавного кондоминиума за их счёт и возбуждает страхи перед старомодными сферами влияния»³.

Нельзя сказать, что советские и американские руководители не отдавали себе отчёта в том, насколько опасным может быть ничем не ограниченное соперничество двух «сверхдержав» в различных регионах планеты. На протяжении «холодной войны» Москве и Вашингтону удалось договориться о правилах поведения по крайней мере в некоторых «горячих точках».

Одной из таких договорённостей стало Американско-британо-советско-французское четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину (1971 г.), которое урегулировало проблему транзита между ФРГ и Западным Берлином, ликвидировав тем самым возможность для возникновения новых берлинских кризисов, которые лихорадили обстановку в Европе и в мире в первые годы «холодной войны». Громадное значение имел и Заключительный акт общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в выработке которого огромную роль сыграли Советский Союз и Соединённые Штаты. Этот документ фактически стал общеевропейской конвенцией о ненападении,

² Так, например, вспоминая о советско-американском противоборстве в странах «третьего мира» на протяжении 1970-х годов, тогдашний советский посол в Вашингтоне А.Ф. Добрынин отмечал в своих мемуарах: «Мы советовали провести стратегический анализ сложившейся обстановки с точки зрения её долгосрочного влияния на наши отношения с США. Однако Москва (особенно международный отдел ЦК партии с курировавшим его Суловым) рассматривала всё это в основном как очередные пропагандистские нападки враждебных нам сил в США. Подобный грубый просчёт в оценках наносил нам немалый вред в отношениях с Вашингтоном, став постоянным источником напряжённости и подрыва разрядки в 70-е годы». Д о б р ы н и н А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М., 1996, с. 407.

³ См. G e o r g e A. Political Crises. The Making of America's Soviet Policy. New Haven and London, 1984, pp. 129–131.

гарантами которой стали четыре из пяти имевшихся в мире великих держав, включая СССР и США⁴.

Тем не менее, на протяжении «холодной войны» сторонам так и не удалось создать стабильные и эффективно функционирующие *РЕЖИМЫ* в региональной сфере их отношений. Существовали, правда, неписанные нормы регионального поведения «сверхдержав», которые американский исследователь Г. Эллисон удачно назвал «примитивными правилами благоразумия». Это были те правила, которыми СССР и США руководствовались на протяжении всего периода «холодной войны», но они никогда не были положены на бумагу. Например, правило первое: никогда, ни при каких обстоятельствах не допускать применения ядерного оружия. Правило второе: избегать прямого применения вооружённых сил против жизненных интересов другой сверхдержавы. Правило третье: уважать сферы жизненно важных интересов другой стороны в области безопасности. Правило четвёртое: избегать прямого столкновения советских и американских вооружённых сил. Наконец, правило пятое: удерживать своих союзников и клиентов от нанесения стратегического поражения союзникам и клиентам другой стороны⁵.

В эпоху биполярной конфронтации не было ни одного международного правового акта, где бы эти правила были зафиксированы, но, тем не менее, они действовали на протяжении всей «холодной войны», практически действуют и сейчас. Видимо, эти «примитивные правила благоразумия» также можно считать советско/российско-американским режимом, хотя это – тот режим, который находится на низшем уровне развития, поскольку отсутствовала и отсутствует норма международного права, международный договор между двумя державами. Отсутствовали и двусторонние структуры, в рамках которых стороны могли бы обсудить и урегулировать возникающие противоречия в региональной сфере. И это не случайно: любой такой советско-американский договор или двусторонний институт немедленно возбудил бы вышеупомянутые страхи у третьих государств перед «сверхдержавным кондоминиумом».

Вот почему, например, в процессе урегулирования Карибского кризиса 1962 г. Москва и Вашингтон не стали подписывать какого-либо официального совместного документа, ограничившись лишь неформальными договорённостями; аналогичным образом стороны вели себя и во время октябрьского 1973 г. кризиса на Ближнем Востоке, и в ходе других региональных конфликтов.

Результатом такого положения вещей, однако, является отсутствие понимания позиций сторон по тем или иным региональным проблемам. Так, например, СССР и его союзники явно не «просчитали» возможную американскую реакцию на вторжение вооружённых сил КНДР в Южную Корею в июне 1950 г.; далее, в Москве недооценили последствия пребывания советских войск в Афганистане для советско-американских отношений.

⁴ Системная история международных отношений. В четырёх томах. 1918–2000. Том третий. События 1945–2003. М., 2003, с. 386.

⁵ Allison G. Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competition. Windows of Opportunity: From Cold War to Peaceful Competition in U.S.-Soviet Relations. Cambridge, Massachusetts, 1989, pp. 9–38.

Отдавая себе отчёт в несовершенстве двусторонних региональных режимов, Москва и Вашингтон во второй половине 1980-х годов предприняли усилия, направленные на инициирование регулярного диалога по региональным проблемам на уровне экспертов МИД СССР и Государственного департамента США. В рамках этого диалога стороны обсуждали ситуацию в таких регионах, как Ближний и Средний Восток, Камбоджа, Центральная Америка и др.

Уровень развития советско-американских региональных режимов оставался, однако, крайне низким: хотя стороны и вели между собой диалог по возникающим в данной сфере их взаимоотношений проблемам, однако этот диалог не привёл к каким-то существенным договорённостям и не был достаточно формализованным и институционализированным.

Взаимоотношения между Москвой и Вашингтоном по региональным проблемам после окончания «холодной войны»

Распад Советского Союза, выход Российской Федерации на международную арену в качестве суверенного государства коренным образом изменили характер советско-американских отношений, в том числе и по региональным проблемам.

Во-первых, после исчезновения Советского Союза с политической карты мира, деэскалации и урегулирования ряда региональных конфликтов, в которых участвовали союзники Москвы и Вашингтона (Центральная Америка, Афганистан, Ангола, Камбоджа и др.), а также вывода российских войск из стран Центральной и Восточной Европы прямое столкновение российских и американских войск в результате регионального конфликта стало технически невозможным (даже если абстрагироваться от изменения контекста российско-американских отношений в постбиполярном мире).

Во-вторых, существенно сократился тот мировоззренческий и социальный разрыв, который разделял Россию и Запад в годы «холодной войны». Тем самым взаимоотношения между Россией и Америкой были окончательно освобождены от груза глобального идеологического противостояния, разделявшего Москву и Вашингтон с 1917 г. Это обстоятельство, разумеется, не могло не способствовать деидеологизации российско-американского диалога по региональной проблематике.

Вышеупомянутые перемены в российско-американских отношениях должны были, казалось, способствовать продвижению в региональной сфере российско-американских отношений. Этого, однако, не произошло.

На протяжении 1990-х годов в данной области взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном был демонтирован даже тот маломощный механизм двусторонних регулярных консультаций глав региональных департаментов внешнеполитических ведомств двух стран, который был создан ещё в 1980-е годы. Созданные же в 1990-х годах многосторонние механизмы кризисного регулирования, такие как Совместный постоянный совет Россия – НАТО, контактные группы по Боснии и Косово, оказались не совсем подходящими

структурами для взаимодействия Москвы и Вашингтона по региональным проблемам.

Вот почему любое разногласие между Москвой и Вашингтоном по вопросам урегулирования региональных кризисов (а их на протяжении последних 18 лет было немало: бывшая Югославия, Ирак, кризисы на постсоветском пространстве) обрушивалось на Россию и США как гром среди ясного неба, сразу становясь серьёзным вызовом российско-американским отношениям в целом: стороны были лишены возможности на ранней стадии регионального конфликта изложить друг другу взаимные претензии и выработать взаимоприемлемый компромисс ещё до того, как этот конфликт нанесёт серьёзный ущерб взаимоотношениям Москвы и Вашингтона⁶.

После 1991 г. именно конфликтные ситуации в различных регионах мира приносили нестабильность в российско-американские отношения. На наш взгляд, имеются очень веские причины того, что именно региональные аспекты российско-американских отношений стали болевой точкой во всей системе этих отношений.

Во-первых, в региональной сфере, как и в других областях российско-американских отношений, проявляется непоследовательность политики официального Вашингтона на российском направлении. Соединённые Штаты действительно объективно заинтересованы в конструктивном сотрудничестве с Россией в ряде регионов мира, таких как Балканы, Ближний и Средний Восток, Корейский полуостров, бывшие союзные республики; многочисленные заявления американских должностных лиц на сей счёт представляются не только данью вежливости. Особенно беспокоит официальный Вашингтон перспектива поставок российских вооружений и технологий двойного назначения в нестабильные регионы мира.

Тем не менее, в деле урегулирования региональных кризисов США предпочитают рассматривать Россию как младшего партнёра, что, естественно, совершенно неприемлемо для Москвы. При этом Вашингтон не собирается учитывать мнение Москвы даже по тем вопросам, которые непосредственно затрагивают российские интересы в Европе и других регионах мира, в том числе и по вопросу о применении силы в обход СБ ООН. Иными словами, будучи заинтересованной в сотрудничестве с Россией в деле урегулирования региональных проблем, американская сторона, в то же время, готова предоставить Москве лишь совещательный голос при решении этих проблем.

Во-вторых, в последние годы в российско-американские отношения возвращается, казалось, окончательно преодоленный идеологический конфликт. После 1991 г. Российская Федерация стала *КОНСЕРВАТИВНОЙ* страной, ревнительницей стабильности и незыблемости международного права, в то время как Соединённые Штаты взвалили на себя миссию глобальной демократизации.

Речь идёт не просто о настроениях американской общественности, а о современной национальной стратегии Соединённых Штатов. Как указывается в Стратегии национальной безопасности, принятой в марте 2006 г. (СНБ-2006), «политика Соединённых Штатов состоит в том, чтобы помогать и поддержи-

⁶ Батюк В.И. Трудное партнёрство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны». М., 2008, с. 68.

вать демократические движения в любой стране... с тем, чтобы в конце концов покончить с тиранией в нашем мире. В сегодняшнем мире фундаментальный характер режимов значит не меньше, чем соотношение сил между ними. Целью нашей политики является помощь в сотворении мира демократических, хорошо управляемых государств, которые смогут удовлетворить потребности своих граждан и вести себя ответственно на международной арене. И это – лучший способ обеспечить прочную безопасность американского народа»⁷.

Между тем, идеологический конфликт (как об этом свидетельствует опыт советско-американских отношений) способен оказать парализующее воздействие на двусторонние отношения Москвы и Вашингтона, и прежде всего в региональной сфере.

В-третьих, серьёзную озабоченность американской стороны вызывает укрепление международных позиций России и Китая, наблюдающееся в последние годы. Как отмечается в «Национальной оборонной стратегии», утверждённой министром обороны США в июне 2008 г., именно Китай и Россия представляют собой главный вызов военной безопасности Соединённых Штатов: «Китай – одно из поднимающихся государств, обладающее потенциалом для противоборства с Соединёнными Штатами. В обозримом будущем, мы должны будем принять меры предосторожности против ускоряющейся китайской военной модернизации и последствий влияния стратегических решений этой страны на международную безопасность. Отход России от открытости и демократии также может иметь значительные последствия для безопасности Соединённых Штатов, наших европейских союзников и партнёров в других регионах. Россия использует в качестве рычага доходы от своих энергетических источников и доступа к ним; она заявила о претензиях в Арктике и продолжает угрожать своим соседям – всё это является причинами для озабоченности. Россия также начала проводить более активную военную политику, включая возобновление полётов дальних бомбардировщиков, выход из Соглашений по контролю над вооружениями и ограничению вооружённых сил, и даже угрожает нацелить свои вооружения на страны, намеревающиеся разместить у себя американские противоракетные базы»⁸.

В этих условиях не приходится рассчитывать на какой-то сиюминутный «прорыв» в непростом российско-американском диалоге по региональным проблемам.

Россия, США и Европа

На протяжении всего XX века основной задачей американской политики на европейском направлении было недопущение военно-политической гегемонии одной державы (будь то Германия в первой половине столетия или СССР – во второй) на континенте. Рубеж XX–XXI веков увенчал триумфом эту американскую политику: нет больше претендентов на доминирование в Европе и, следовательно, в Соединённых Штатах не должны опасаться того, что из данного региона может вновь возникнуть угроза для национальной

⁷ <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006/index.html>

⁸ National Defense Strategy. Wash., Department of Defense, June 2008, pp. 2–3.

безопасности США (подобно тому, как это было во времена Первой и Второй мировых войн, а также «холодной войны»).

Как следствие, Европа утрачивает своё некогда приоритетное положение в американской стратегии национальной безопасности. В ходе трансформации Европейского командования, по заявлению генерала Крэддока в комитете Палаты представителей по делам вооружённых сил Пентагон предполагает вывести из Европы до 2012 г. 44 тыс. военнослужащих, 14,5 тыс. гражданских служащих и 57 тыс. членов семей американских военных⁹. После завершения трансформационных процессов и вывода 1-й пехотной и 1-й бронетанковой дивизий из подчинения Европейского командования в распоряжении ВС США будут находиться лишь две бригады постоянного базирования – ударная боевая группа бригадного состава (*Stryker Brigade Combat Team*) (Вильчек, ФРГ) численностью 3,5 тыс. военнослужащих, и воздушно-десантная бригада (Винченца, Италия). Размещение третьей бригады предполагается осуществлять по принципу ротации на американской базе «Михаил Когальничеану» (Румыния). Её главной функцией будет поддержка Восточноевропейской тактической группы.

Эти выводимые из Европы войска очень нужны официальному Вашингтону с учётом непростой ситуации в Афганистане, Ираке и других регионах планеты. Возникает, однако, вопрос: сможет ли Европейское командование ВС США решать всё более усложняющиеся задачи, стоящие перед ним, имея «под ружьём» две-три бригады?

Ведь если в конце 1980-х годов численность американских войск в Европе составляла 315 тыс. человек, то с тех пор она сократилась почти в 4 раза, до 84 тыс. военнослужащих (и должна сократиться, как уже было сказано, ещё больше). Все эти широкомасштабные планы сокращения американского военного присутствия в Европе были бы невозможны без твёрдой уверенности официального Вашингтона в том, что упадок российского влияния на Европейском континенте необратим, и с Россией можно не считаться.

В соответствии с СНБ-2006, американская стратегия на европейском направлении предусматривает дальнейшую территориальную экспансию НАТО за счёт вступления в организацию новых «эффективных демократий» и изоляцию России, которая, по мнению составителей документа, должна, наконец, смириться с тем, что будет окружена этими самыми «эффективными демократиями» (иными словами – американскими сателлитами) как в Восточной Европе, так и в Центральной Азии. Вот почему события августа 2008 г. стали такой неприятной неожиданностью для американского военно-политического руководства. Сюрприз руководству Пентагона преподнесли российские вооружённые силы, которые сумели быстро завершить вооружённый конфликт в Закавказье **на российских условиях**, что на чистоту исключило возможность западного вмешательства.

Но дело не только в молниеносном разгроме грузинской армии, которую не без некоторых на то оснований считали самой сильной, хорошо обученной в регионе, на оснащение которой американцы израсходовали за последние годы

⁹ Statement of General J. Craddock, USA Commander, United States European Command, before the House Armed Services Committee on 15.03.2007. The House Armed Services Committee, p. 18.

десятки миллионов долларов¹⁰. Сокрушительное военное поражение потерпел *союзник США*, а официальный Вашингтон практически ничем не смог ему помочь. Отчаянный призыв президента Грузии М. Саакашвили взять под американский контроль грузинские морские порты и аэродромы был проигнорирован; американская помощь свелась к гуманитарным поставкам и переброске грузинской бригады из Ирака после того, как военные действия в Грузии были закончены. Правда, в отношении России были сделаны грозные заявления: государственный секретарь К. Райс пообещала даже «наказать Россию»; впрочем, всё это «наказание» свелось всего лишь к временному прекращению американо-российских военных связей и временному замораживанию деятельности Совета Россия – НАТО.

В Вашингтоне отдают себе отчёт в том, насколько несерьёзно выглядят эти символические жесты «единственной сверхдержавы». Выступая на слушаниях в Сенатском комитете по делам вооружённых сил 25 марта 2009 г., командующий вооружёнными силами США в Европе генерал Дж. Крэдок с тревогой указал на стремление Москвы использовать экономические и военные рычаги для достижения своих внешнеполитических целей. Он заявил о том, что двух американских бригад, которые должны остаться в Европе после завершения трансформационных процессов, явно недостаточно – нужно хотя бы четыре бригады в распоряжении Европейского командования¹¹.

Очевидно, что почти за год, прошедший после вооружённого конфликта в Грузии в августе 2008 г., имела место серьёзная девальвация американских **политических** гарантий безопасности своим союзникам. Теперь эти гарантии никто не воспринимает всерьёз, если последние не подкреплены **непосредственным американским военным присутствием** на территории союзника. Отсюда – поспешное заключение польско-американского соглашения о размещении на территории Польши элементов третьего позиционного района ПРО США, а также батареи зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» с 96 ракетами. Для Варшавы значение имеют не столько сами ракеты, сколько **физическое присутствие американских войск** на польской территории – это говорит о том, что даже самые преданные американские союзники на Востоке Европы больше не верят словесным обещаниям американских политиков. Возникает, однако, вопрос: сможет ли Пентагон разместить на постоянной основе свои вооружённые силы на территории **всех** своих союзников? И каковы будут последствия вполне возможного отказа США от размещения элементов противоракетной обороны в Польше и Чехии для американо-восточноевропейских отношений?

Для того чтобы успокоить своих восточноевропейских союзников по НАТО, американское военно-политическое руководство решило дополнить **словесные политические гарантии** их безопасности – **словесными военными гарантиями**. Так, в ходе визита в Вильнюс в конце октября 2008 г. председатель Комитета начальников штабов адмирал М. Маллен заявил, что Соединённые Штаты и НАТО разрабатывают планы по защите союзников, имеющих границы с Рос-

¹⁰ С и з о в В.Ю. Пятидневка противостояния. – «Международные процессы», т. 6, № 2 (17), май – август 2008, с. 116.

¹¹ Statement of General J. Craddock..., 24.03.2009, p. 18.

сией, и в этой связи даже рассматривают возможность увеличения числа военных учений в странах Балтии¹².

Правда, в ходе сессии Совета НАТО на уровне министров иностранных дел в сентябре 2008 г. не удалось выработать соглашение о формировании «сил быстрого реагирования» Североатлантического альянса, призванные защищать те страны, которым-де угрожает Россия. Союзникам так и не удалось договориться о том, кто будет снабжать эти силы военной техникой, кто будет обладать правом отдать приказ на их развёртывание и, главное, при каких обстоятельствах это может произойти¹³.

Между тем, в условиях обострения обстановки в Афганистане и Пакистане заинтересованность официального Вашингтона в российской поддержке Международных сил содействия безопасности (МССБ), костяк которых составляют вооружённые силы стран – членов НАТО, будет постоянно возрастать. В этих условиях новой американской администрации пришлось нажать на кнопку «перезагрузки» в российско-американских отношениях, в том числе и в европейском контексте. На юбилейном саммите Североатлантического альянса, состоявшемся 3–4 апреля 2009 г. в Страсбурге/Киле по инициативе американской стороны было принято решение возобновить работу Совета Россия – НАТО, несмотря на серьёзные возражения со стороны ряда восточноевропейских государств¹⁴.

Несмотря на некоторое смягчение напряжённости в российско-американских отношениях после прихода к власти президента Б. Обамы, в любом обозримом будущем военно-политическое противостояние США и России в Европе будет продолжаться. **Политические** цели Москвы и Вашингтона в Евразии несовместимы: Соединённые Штаты стремятся к установлению своего доминирования в регионе, что означает ликвидацию Российской Федерации как самостоятельной величины в большой европейской политике. При этом российские инициативы о формировании новой архитектуры безопасности в Европе, о заключении нового договора о европейской безопасности, так называемого панъевропейского договора, были восприняты очень холодно в американских и натовских кругах. Ответ на эту инициативу президента Д. Медведева сводился к тому, что существующая натоцентрическая система европейской безопасности (в которой России нет места) вполне устраивает США и их союзников¹⁵.

Россия, США и постсоветское пространство

С окончанием «холодной войны» американская элита по-новому сформулировала свои региональные приоритеты. В условиях однополярного мира у официального Вашингтона появилась возможность сохранить и закрепить своё доминирование в Евразии – за счёт дальнейшего расширения НАТО, ослабления и геополитической изоляции России и усиления прямого военного присут-

¹² «The New York Times», 23.10.2008.

¹³ «The Los Angeles Times», 19.09.2008.

¹⁴ «The Guardian», 7.04.2009.

¹⁵ «The New York Times», 10.04.2009.

ствия Соединённых Штатов не только в евразийском «римленде», но и – впервые в истории – «хартленде». При этом американские правящие круги после 1991 г. делали ставку на сохранение и расширение военно-политических структур в Евразии, в которых США играют руководящую роль. Те же страны, которые по разным причинам отвергают американскую гегемонию, должны подвергнуться политической изоляции и военно-политическому нажиму со стороны Америки и её новых и старых союзников.

Эти тенденции в американской политике на постсоветском пространстве, проявившиеся в полную силу при администрации Дж. Буша-мл., не могли не превратиться в сильнейший раздражитель в российско-американских отношениях. Американские неоконсерваторы, безраздельно доминировавшие в американской внешней политике на протяжении 2001–2008 гг., воспринимали конфликт с Россией из-за влияния на постсоветском пространстве как «игру с нулевой суммой», где идущая с Запада «демократия» противостоит «русскому неоимпериализму».

В начале XXI века Соединённые Штаты нашли, казалось, абсолютное оружие в борьбе за укрепление своего влияния на постсоветском пространстве (и, соответственно, геополитического оттеснения России) в виде так называемых «цветных революций». Ещё несколько лет тому назад складывалось впечатление, что Российской Федерации остаётся лишь подсчитывать геополитический ущерб, видя, как сжимается вокруг её границ новый «санитарный кордон», формируемый в рамках осуществляемого Западом (во главе с США) глобального проекта демократизации.

И действительно, начиная с 2003 г. произошла замена правящих режимов в некоторых новых независимых государствах, причём на режимы ещё более антироссийские и откровенно проамериканские (Грузия – «революция роз» 2003 г.; Украина – «оранжевая революция» 2004 г.; Киргизия – «революция тюльпанов» 2005 г.). В этих событиях были задействованы финансовые и организационные ресурсы таких заокеанских правительственных и неправительственных структур, как Национальный демократический институт при Демократической партии, Международный республиканский институт при Республиканской партии, Госдепартамент США, Агентство международного развития США, «Фридом хаус» и Институт открытого общества Джорджа Сороса. С их помощью были созданы оппозиционные политические группировки, антиправительственные органы массовой информации и даже боевые ячейки – «Пора», «Кхмара», «Опора» и т.д.

В настоящее время, однако, волна «цветных» революций на постсоветском пространстве идёт на спад, не приведя к установлению в бывших союзных республиках устойчивых проамериканских и антироссийских режимов (в отличие от того, что имело место 20 лет тому назад в странах Восточной Европы). Дело в том, что утверждение демократических режимов в Прибалтике, в Центральной, Восточной и (отчасти) Южной Европе стало возможным лишь постольку, поскольку новые независимые государства этого региона были интегрированы в евроатлантические экономические структуры и структуры безопасности (НАТО и, особенно, ЕС). Иными словами, обеспечение национальной безопасности этих стран взял на себя Североатлантический альянс, а

внутреннего порядка, благоприятного для капиталистического развития, – Евросоюз с его *acquis communautaire*.

Однако после провала ратификации новой конституции Евросоюза рассчитывать на бесконечное расширение последнего за счёт бывших союзных республик более не приходится. Что касается членства в НАТО, то оно невозможно просто потому, что подавляющее большинство стран Евразии сталкивается с затяжными и не поддающимися быстрому урегулированию внутренними и пограничными конфликтами, в которые страны – члены Североатлантического альянса совершенно не желают вмешиваться.

В этих условиях попытки Вашингтона и Брюсселя навязать народам Евразии «демократические ценности» посредством «цветных революций» вступают в противоречие не только со стремлением авторитарных режимов обеспечить собственное выживание, но и, что гораздо более существенно, с национальными интересами стран Евразии. Уже теперь назойливые попытки США и их союзников вмешиваться во внутренние дела стран региона вызывают решительное неприятие – и не только в Кремле. Провал «цветных революций» в Азербайджане и Казахстане в 2005 г., в Белоруссии в 2006 г., стал свидетельством того, что инспирированная Западом революционная волна пошла на убыль¹⁶. То же самое произошло и в Молдавии в 2009 году.

И для недовольства по поводу итогов «цветных революций» у народов новых независимых государств имеются весьма серьёзные основания. Во-первых, не оправдались расчёты на «золотой дождь», который Запад вообще и Соединённые Штаты в частности должны-де излить на революционные режимы.

Во-вторых, так и не материализовались надежды «цветных революционеров» на быструю интеграцию их стран в Евросоюз.

В минуты откровенности и представители американской элиты готовы признать, что позиция США по отношению к бывшим советским республикам – это позиция «собаки на сене». Как отметил президент фонда «Евразия», известный американский специалист по России Ч. Мэйнс, «маловероятно, чтобы Грузии, Армении, Азербайджану, Украине, Молдавии и Белоруссии будет позволено присоединиться к Европейскому Союзу в ближайшие годы. В то же время Соединённые Штаты и другие западные страны ожесточённо сопротивляются любым попыткам России организовать к востоку от ЕС аналогичное экономическое пространство. Между тем некоторые из этих государств, будучи отрезанными от любых обширных рынков, погружаются всё глубже в нищету. Должен быть какой-то способ поощрить более тесные и необходимые экономические связи между бывшими советскими государствами, не низводя их до положения пешек Москвы. Иначе мы оставим некоторые из этих государств на экономически ничейной земле»¹⁷.

Одновременно с нарастанием проблем в американской политике на постсоветском пространстве в последние годы Россия сумела частично восстановить утраченные позиции в «ближнем зарубежье». Проводимая Москвой начиная со второй половины 1990-х годов политика **разноскоростной интеграции**

¹⁶ См. Б а т ю к В.И. Россия, США и «цветные революции». – «Вестник Российского Университета дружбы народов». Серия «Политология», 2006, № 8, с. 15–26.

¹⁷ «The International Herald Tribune», 4.02.2004.

на постсоветском пространстве принесла свои плоды. Образование Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в 2000 г. и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в 2002 г. – свидетельство тому, что Россия твёрдо взяла курс на взаимодействие прежде всего с теми бывшими союзными республиками, которые в наибольшей степени заинтересованы в укреплении сотрудничества с РФ и ускорении интеграционных процессов.

Впервые после распада СССР у Москвы, таким образом, появились **настоящие союзники** на международной арене. Надёжность этих стран – Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана – как союзников определяется не тем, что Москва оккупировала их территории или же запугала либо подкупила их правящие элиты. У Москвы, Еревана, Минска, Астаны, Бишкека, Душанбе и Ташкента общие угрозы и проблемы на международной арене, и именно это обстоятельство предопределяет их взаимное сближение. Вот почему, например, и после смены элит в ходе «тюльпановой революции» в Киргизии эта страна не разорвала союзнических отношений с Российской Федерацией.

Именно эти страны и имел в виду президент РФ Д. Медведев, когда говорил о «привилегированных интересах» России на постсоветском пространстве: «Это те государства, которые очень важны для нас, с которыми мы бок о бок живём уже десятилетия, столетия, с которыми мы связаны корневой системой. Я, естественно, имею в виду те государства, которые когда-то входили в СССР, до этого входили в другие государственные образования, государства, где говорят на русском языке, где близкий экономический уклад и очень близкий культурный слой»¹⁸.

В то же время в «ближнем зарубежье» у Москвы имеются, с одной стороны, партнёры и союзники, а с другой – противники и недоброжелатели. Некоторые правящие постсоветские круги взяли курс на превращение своих стран в своего рода «прифронтовые государства», с тем, чтобы, с одной стороны, обеспечить мобилизацию своих социумов под антироссийскими лозунгами, а с другой – доказать Вашингтону и Брюсселю свою полезность в качестве барьера на пути «русского экспансионизма». Сформированная в октябре 1997 г. **Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией** организация ГУАМ – одна из тех откровенно антироссийских структур, которые были созданы на постсоветском пространстве при активном участии наших западных «партнёров» с единственной целью – противостояния России.

Другая подобная организация – так называемое **Содружество демократического выбора (СДВ)** («сообщество демократий балто-черноморско-каспийского региона»), учреждённое 2 декабря 2005 г. в Киеве. В Содружество вошли такие «доброжелатели» России в Восточной Европе, как **Украина, Грузия, Молдавия, Румыния, Литва, Латвия, Эстония и Македония**. Если у кого-то и были сомнения в том, что СДВ – это реинкарнация пресловутого «санитарного кордона», то они отпали после обращения тогдашнего вице-президента США Д. Чейни к участникам второго саммита «Содружества демократического выбора» 4 мая 2006 г., в котором было прямо сказано о том, что «система, кото-

¹⁸ Встреча Д.А. Медведева с представителями washingtonского Совета по международным отношениям, 16.11.2008 (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/11/209249.shtml>).

рая дала надежду на берегах Балтийского моря, может принести надежду и на берега Чёрного моря, и даже дальше. То, что применимо для Вильнюса, так же применимо и для Тбилиси и для Киева. И это же применимо и в Минске, и в Москве». Москва, по словам выступавшего, должна либо присоединиться к «системе», либо стать врагом¹⁹.

В последнее время, однако, в Соединённых Штатах исчезает былой энтузиазм в отношении «цветных революций» как универсального рецепта подрыва российского влияния в Евразии. Как указывается в докладе «Американская политика в отношении России: верный путь», подготовленном в марте сего года влиятельными американскими исследовательскими центрами (Никсоновским центром и Центром Белфера Гарвардского университета), «Соединённые Штаты должны противостоять усилиям России по установлению своей сферы влияния в Европе или где бы то ни было в Евразии, включая попытки воспрепятствовать другим странам осуществить их право на ассоциацию с НАТО или другими организациями. В то же время, Вашингтон не должен рассчитывать на то, что он сумеет создать свою собственную сферу влияния у российских границ и, одновременно, наладить конструктивные отношения с Россией... Мы не верим, что жизненно важные интересы безопасности Соединённых Штатов требуют в настоящее время распространения членства в НАТО на Украину или Грузию. Хотя географическое положение обеих стран имеет большое стратегическое значение, их членство в альянсе способно лишь уменьшить, а не увеличить безопасность Европы... в условиях, когда Соединённые Штаты и НАТО повсюду сталкиваются с множеством серьёзных вызовов»²⁰.

Будущее покажет, в какой мере официальный Вашингтон будет руководствоваться в политике на постсоветском пространстве своими реальными внешнеполитическими интересами, а не идеологическими догмами.

Российско-американские отношения: азиатский фактор

На фоне застоя российской политики на европейском направлении Москва сумела добиться в последние годы серьёзного продвижения своих интересов в Азии. И дело не только в том, что в Азии Россию воспринимают как равного партнёра, а не как нерадивого ученика в западной «школе демократии». Дело в том, что для российских интеграционных усилий в Азии открываются большие возможности – в то время как и речи быть не может о вступлении России в евроатлантические экономические и военно-политические структуры. Не последнюю роль играет и динамичный экономический рост в странах Азии, что рано или поздно должно привести к повышению роли Азии в мировых делах. Так, в начале XXI века совокупная доля Китая и Индии в мировом ВВП по паритету покупательной способности составила 20,6%, сравнявшись с долей США и превысив вклад Западной Европы в мировое производство²¹.

¹⁹ <http://usinfo.state.gov/usinfo/Archive/2006/May/04-398238.html>

²⁰ The Right Direction for U.S. Policy toward Russia. A Report from the Commission on U.S. Policy toward Russia. Wash., March 2009 (<http://www.nixoncenter.org/RussiaReport09.pdf>).

²¹ См.: Новый этап развития международных отношений. Часть I. М., ИСКРАН, 2008, с. 16.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая с января 2004 г. функционирует в качестве полноценной международной организации, стала самым успешным российским интеграционным проектом в Азии. Свидетельством её дееспособности стало регулярное (начиная с 2005 г.) проведение учений и военных манёвров контртеррористической направленности, среди которых по своим масштабам и размаху выделялись совместные антитеррористические учения стран, входящих в ШОС – «Мирная миссия-2007» (Челябинская область, август 2007 г.). Это были первые учения, в которых приняли участие подразделения всех стран ШОС. В манёврах было задействовано свыше 7,5 тыс. военнослужащих и более 1200 единиц вооружений и военной техники.

ШОС таким образом продемонстрировала всему миру, что не оставит страны-члены беззащитными перед лицом так называемых «трёх зол»: терроризма, сепаратизма и экстремизма. Вот почему к деятельности этой организации проявляют всё большее внимание другие азиатские государства. Так, в 2005 г. в число наблюдателей ШОС вошли Иран, Пакистан, Индия, и теперь она объединяет практически половину человечества. Новым свидетельством роста международного авторитета ШОС стало присоединение к организации Белоруссии и Шри-Ланки в качестве партнёров по диалогу, о чём было объявлено в ходе Екатеринбургского саммита (июнь 2009 г.).

Укрепление международных позиций ШОС не было случайным. В Шанхайской организации сотрудничества никто не стремится навязывать своим партнёрам собственные представления об идеальном мироустройстве, не выставляют «оценок» за «демократическое» или «недемократическое» поведение; отсутствует там и практика вмешательства во внутренние дела друг друга под предлогом «защиты прав и свобод человека».

Разумеется, успех ШОС был бы невозможен без успешного развития **российско-китайских отношений**. За последние годы удалось завершить демаркацию российско-китайской границы, полностью сняв тем самым сильнейший раздражитель в отношениях двух азиатских гигантов. Больших успехов достигло российско-китайское сотрудничество в экономике, науке и культуре. Это стало пренеприятнейшим сюрпризом для наших западных «партнёров», которые рассчитывали на сохранение российско-китайских разногласий (и, соответственно, возможности играть на этих разногласиях) и после окончания «холодной войны».

Создавая собственные интеграционные структуры в Азии, Россия за последние годы успешно сотрудничала с уже существующими там региональными организациями. Настоящим прорывом стало присоединение РФ к Организации Исламская конференция (ОИК) в качестве наблюдателя в 2003 году.

Этот успех также вызвал раздражённую реакцию на Западе: там исходили из перманентного и нарастающего конфликта между Россией и миром ислама. Этого, однако, не произошло. Российская Федерация, безусловно, является врагом для исламских экстремистов – но то же самое можно сказать о любом исламском государстве, включая и такие теократические режимы, как Иран и Саудовская Аравия. С этой точки зрения у России и мусульман общий враг, и

ряд исламских государств (Сирия, Иран, Малайзия, Египет, Иордания и мн. др.) воспринимает РФ как дружественную страну и, возможно, союзника²².

За последние годы Москва сумела существенно укрепить свои позиции и в формате Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), свидетельством чего стало решение сиднейского саммита АТЭС (сентябрь 2007 г.) о проведении этого крупнейшего международного форума в 2012 г. во Владивостоке.

Между тем, американские правящие круги (и с этой точки зрения подходы администрации Обамы ничем не отличаются от подходов Дж. Буша-мл.) исходят из того, что главная угроза безопасности Соединённых Штатов исходит не из Восточной Европы, а из центра Евразии²³. Именно туда перемещается в настоящее время ось мировой политики, и это обстоятельство объективно сближает Россию и США в деле обеспечения международной стабильности на необъятных евразийских пространствах.

Очевидно, что без активного российского содействия Соединённые Штаты столкнутся с серьёзными трудностями в ряде регионов планеты, включая Ближний и Средний Восток (Иран, Афганистан) и АТР (Северная Корея)²⁴.

В то же время в Вашингтоне, как уже было сказано, сохраняется тенденция рассматривать Москву в качестве младшего партнёра, игнорируя при этом российские интересы безопасности. Очевидно, что России предстоит жёсткий торг с американской стороной по региональным проблемам, в том числе и по проблемам стабильности и безопасности в Евразии.

* * *

Таким образом, и после окончания «холодной войны» отношения между Москвой и Вашингтоном по региональным проблемам продолжают оказывать негативное воздействие на общий контекст российско-американских взаимоотношений. Москва обеспокоена американским проникновением в те регионы, которые рассматриваются российской элитой как традиционные зоны жизненно важных интересов России (и прежде всего на постсоветское пространство); Вашингтон, в свою очередь, видит в наметившейся в последние годы тенденции к расширению российского присутствия в «ближнем зарубежье» свидетельство возрождения российского «империализма» и «авторитаризма».

С сожалением приходится констатировать, что в настоящее время не существует эффективных режимов, которые регулировали бы взаимоотношения двух держав по региональным проблемам. В таких условиях эта сфера будет и впредь оставаться генератором проблем и противоречий в российско-американских отношениях.

Надежды на нормализацию российско-американских отношений после прихода к власти администрации Обамы могут быть перечёркнуты после того, как эти отношения столкнутся с традиционными для них региональными «бо-

²² Об азиатской политике России см.: Лу з я н и н С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.), М., 2007.

²³ Так, нынешняя американская администрация рассматривает возрождение «Аль-Каиды» и «Талибана» в Афганистане и Пакистане как «величайшую угрозу» безопасности США (http://www.whitehouse.gov/agenda/foreign_policy/).

²⁴ Russian Foreign Policy. Sources and Implications. Santa Monica, RAND, 2009, pp. 203, 206.

левыми точками». Нам представляется, что без серьёзного содержательного российско-американского диалога по региональным аспектам двусторонних отношений, наши страны обречены на новый виток противостояния. В ходе данного диалога Москва и Вашингтон могли бы обсудить правила своего международного поведения в XXI веке.

Во-первых, стороны могли бы, наконец, институционализировать свой диалог по региональным аспектам российско-американских отношений, создав двусторонние рабочие группы (на уровне исполнителей среднего звена внешнеполитических и военных ведомств двух стран) по региональным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Во-вторых, стороны могли бы кодифицировать вышеупомянутые «примитивные правила благоразумия»: как показали события на Кавказе в августе 2008 г., возможность прямого боестолкновения вооружённых сил двух стран в результате эскалации локального конфликта, к сожалению, существует²⁵. Закрепление «примитивных правил благоразумия» в ходе региональных конфликтов в каком-либо международно-правовом акте, безусловно, способствовало бы повышению предсказуемости в российско-американских отношениях.

В-третьих, стороны могли бы дополнить эти «примитивные правила благоразумия» *«принципом финляндизации»*. Под «финляндизацией» мы понимаем своеобразную сделку между Россией, Соединёнными Штатами и малыми государствами, вовлечёнными в локальный конфликт, в котором принимают участие обе великие державы. Суть этой сделки – державы воздерживаются от действий, направленных как на вмешательство во внутреннюю политику малой страны, так и на превращение последней в источник угроз для национальной безопасности другой великой державы.

Хотя сам термин «финляндизация» имел явно негативные коннотации на протяжении «холодной войны», опыт советско-финских и российско-финских отношений на протяжении последних 65 лет показал, что наиболее оптимальной формой взаимодействия великой державы и соседнего малого государства является именно этот тип их отношений. Москва отказалась от «советизации» Финляндии; в обмен на это последняя сохраняла свой нейтральный статус на протяжении всей «холодной войны». Собственно, Карибский кризис 1962 г. был урегулирован именно по «финской» модели (вывод советских ракет в обмен на обязательства США не вторгаться на территорию Кубы).

Нам представляется, что именно «финляндизация» постсоветского пространства могла бы способствовать урегулированию российско-американских разногласий в данном регионе (отказ от продвижения НАТО на Восток в обмен на обязательства Москвы уважать независимость и суверенитет «ближнего зарубежья»). Возможно, что данный опыт можно было бы распространить и на другие региональные конфликты, вызывающие озабоченность в Москве и Вашингтоне.

²⁵ См. напр.: Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией. – «Международные процессы», т. 6, № 3(18), сентябрь – декабрь 2008, с. 15–25.